

Нысанбаев А.Н.,
д-р филос. наук,
проф.

Дунаев В.Ю., д-р
филос. наук, проф.
Институт
философии,
политологии и
религиоведения
Комитета Науки
МОН Республики
Казахстан,
Казахстан

Участники
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
европейско-
азиатского первенства
по научной аналитике

ОБ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В КАЗАХСТАНЕ

В статье дается системный анализ мирового и казахстанского опыта создания и применения инновационных технологий для государственного-политического и административного риск-менеджмента. В ней на основе выявления механизмов самоорганизации социума в периоды глобальных кризисов определяются принципы и стратегические направления развития культуры социальной безопасности Республики Казахстан, предлагается система объективных и субъективных параметров социально-политических рисков, создается оригинальная методика анализа, оценки, прогнозирования, управления социально-политическими рисками в Казахстане.

The article presents a systematic analysis of the world, and Kazakhstan's experience of creation and application of innovative technologies for public policy and administration of risk management. It based on the identification of mechanisms of self-organization of society in periods of global crises are defined principles and strategic directions of development of a culture of social security of the Republic of Kazakhstan, the proposed system of objective and subjective parameters of socio-political risks created by the original method of analysis, evaluation, forecasting, social and political risks in Kazakhstan.

Мақалада мемлекеттік-саяси және әкімшілік басқаруда кездесетін қауіп-қатерлер мен тәуекелдермен күресудің инновациялық технологияларын жасау мен қолданудың әлемдік және қазақстандық тәжірибесі жүйелі түрде талданады. Онда глобалдык дағдарыс кезеңінде қоғамның өзіндік ұйымдасуының механизмін ашу арқылы Қазақстан Республикасының әлеуметтік қауіпсіздігі мәдениетінің дамуының стратегиялық бағыттары мен ұстындары анықталады, әлеуметтік-саяси қауіп-қатерлер жүйесінің объективтік және субъективтік параметрлері ұсынылады, Қазақстанда әлеуметтік-саяси қауіп-қатерлерді болжаудың, басқарудың, бағалаудың, талдаудың көңілге қонымды әдістемесі жасалады.

Наиболее значительным результатом трансформаций социальной реальности в эпоху глобализации, определяющим стратегические направления цивилизационных, социокультурных и геополитических мегатрендов, стало изменение системных свойств современного социального мира. С этими изменениями связаны как новые возможности и новые ресурсы развития, так и новые риски, новые угрозы, требующие применения новых методов и инновационных технологий борьбы с ними:

- риски утрачивают избирательность, приобретая универсальность: возникли новые типы рисков, угрожающих не отдельной стране или социальной группе, но всем и каждому;
- риски и угрозы становятся взаимосвязанными по типу цепной реакции: сбой в одной сфере ведут к дисфункциональным эффектам во множестве прочих, причем эти процессы развиваются по непредсказуемым, «ризоморфным» траекториям;
- риски становятся многофакторными, что ведет к проблематичности самой возможности их эффективного мониторинга.

Современная философия и фундаментальная наука все более переориентируются с изучения эволюционно-функциональных процессов на изучение процессов переломно-кри-

зисных. В современной социальной теории структурно-функциональная парадигма социального анализа уступает место концепциям, нацеленным на исследование процессов социальных изменений, – прежде всего теориям риска и теориям катастроф. Предлагаемая тема является актуальной и соответствует основным направлениям развития мировой социально-политической теории.

Среди многообразных задач, которые связаны с политическим риском, важнейшим и ключевым направлением является исследование и анализ человеческого измерения риска. Природные и техногенные катастрофы тесно связаны с социогенными бедствиями, многие из которых, в свою очередь, «завязаны» на экономику, культуру, политику. Любой риск, а политический особенно – это, прежде всего и главным образом, проблема человеческая, социальная, даже если он прогнозируется и рассчитывается для технических систем. Это связано со специфическим отличием политических рисков от иных типов риска: политические риски оказывают влияние не на какую-то отдельную сферу жизни общества, а на устойчивое функционирование и развитие общественного организма в целом.

Концепция социально-политического риск-менеджмента является

одним из главных направлений практического применения результатов социально-теоретических исследований. Для анализа и оценки рисков и, в первую очередь, их политической разновидности создана мощная мировая институциональная сеть в форме аналитических центров как коммерческого, так и некоммерческого характера, которых насчитывается более пятисот. В основном они расположены в развитых странах. Наиболее значительная часть такого рода центров находится в США. Ведущими среди них является Центр стратегических и международных исследований в Джорджтаунском университете и Исследовательский центр международных изменений при Колумбийском университете, изучающие политические риски в основном в теоретико-методологическом плане. Для анализа и прогнозирования природных и социальных катастроф в США (г. Санта-Фе) был создан Институт сложности. В задачи этого Института входит также и анализ политических рисков.

В Российской Федерации работы по стратегии управления рисками с привлечением новых подходов из области фундаментальных наук были начаты в 1997 г. по инициативе МЧС России. В исследованиях участвуют ведущие специалисты крупнейших академических институтов и универ-

ситетов. Основное направление этой работы – построение математической теории безопасности и риска на основе междисциплинарного подхода, и, прежде всего, на основе использования методов нелинейной динамики, системного анализа и компьютерного моделирования.

В Казахстане создана Группа оценки рисков (AssessmentRisksGroup - ARG) – негосударственная консалтинговая организация, основной миссией которой, как определяют ее сами организаторы, является повышение эффективности функционирования государственных структур, инвестиционных компаний, институтов гражданского общества посредством оценки уровня политических и социально-экономических рисков, а также выработки путей их минимизации. Данный и другие отечественные аналитические центры работают в достаточно узком диапазоне решаемых задач (в большинстве своем связанных с той или иной «вдруг» возникшей ситуацией), их оценки и прогнозы редко относятся к тем политическим рискам, которые связаны с решением общенациональных задач.

Создание методики анализа, оценки, прогнозирования, управления политическими рисками относится к классу междисциплинарных проблем. При постановке и решении такого рода проблем неотъемлемой составной частью исследований становится разработка их общеметодологических, мировоззренческих оснований. Необходимость философского подхода к проблеме оценки политических рисков и технологий управления ими диктуется тем, что целостная картина рисков в обществе как сверхсложной системе не поддается складыванию по кусочкам, а требует интегрального подхода к анализу социальных механизмов риска.

Анализ литературных источников дает основания для вывода о том, что уровень разработанности фундаментальных мировоззренческих и концептуально-методологических проблем анализа, оценки, прогнозирования, управления политическими рисками не может считаться достаточным для решения комплекса задач, связанных с оптимизацией и повышением эффек-

тивности системы социально-политического управления в современном Казахстане.

К числу основных факторов, препятствующих эффективному управлению социально-политическими рисками в Казахстане, относятся следующие:

- отсутствие научных основ и концепции управления рисками;
- отсутствие системы показателей и нормативов допустимого риска;
- неразвитость методического инструментария и модельного аппарата комплексной оценки политических рисков и управления ими;
- отсутствие достаточно полных банков данных, необходимых для определения показателей риска и построения компьютерных (логико-математических) моделей для анализа и управления риском.

Результатом действия этих факторов является недостаточная эффективность и мобильность, негибкость системы политического управления в целом. Таким образом, очевидной становится необходимость создания системы мониторинга и управления политическими рисками на основе развития информационно-аналитической системы, позволяющей отслеживать основные тенденции социальных трансформаций, осуществлять постоянный мониторинг источников угроз и оперативно на них реагировать, проводя своевременную модификацию системы политического и административного управления.

Важнейшую роль в стратегии социальных преобразований выполняет определение мировоззренчески-смысловых и концептуально-методологических рамок («фреймов») анализа, оценки и прогнозирования рисков и угроз, которые несут с собой глобальные мегатренды современности.

Под риском понимается возможность различных по характеру и содержанию потерь или ущерба в результате определенных действий или развития ситуации в данном направлении. Риски сопровождают любые варианты развития и любые альтернативные проекты, любые решения и выбор, любые действия или бездействие. Например, децентрализация государственно-политического управления увеличивает риски макроэконо-

мической нестабильности, риски роста неравенства между регионами, неправильного распределения ресурсов в угоду местным интересам и т.д. С другой стороны, чрезмерно централизованная система управления порождает риски инерционности управленческого механизма, его отчуждение от реальных нужд и проблем местного уровня и т.д. Разумеется, все риски и угрозы предусмотреть невозможно в принципе, но грамотная оценка и эффективная система управления рисками способны снизить их до приемлемого уровня.

Под управлением рисками подразумевается идентификация рисков, оценка их потенциальных угроз, планирование и принятие решений в рискованных ситуациях и наблюдение за результатами этих решений. В современном мире в условиях нарастания неопределенности, роста политической и экономической неустойчивости социальных систем от политиков требуется владение теорией и практическими навыками риск-менеджмента. Совершенствование системы управления является главным ресурсом, который должен быть востребован при изменении алгоритмов развития цивилизации. В области управления рисками существует большой класс задач многокритериальной оптимизации. Большинство из них таково, что нельзя определить оптимальный вариант решения, но лишь представить ряд возможностей выбора, для которых понадобятся политические решения, и ряд возможных новых рисков.

Идентификация рисков и меры по их минимизации должны быть приоритетным направлением государственного управления. Однако ни на национальном, ни на международном уровне пока не создано надежно действующих механизмов, позволяющих с наименьшими издержками устранять последствия ошибок и просчетов, допущенных в сфере политического управления.

Уровень разработанности фундаментальных мировоззренческих и концептуально-методологических проблем анализа, оценки, прогнозирования, управления социально-политическими рисками не может считаться достаточным для решения комплекса

задач, связанных с радикальной экономической реформой и трансформацией социально-политической системы казахстанского общества. Как отмечает Н.А. Назарбаев, на современном этапе развития Казахстана политическим руководством республики ставится задача возможной смены моделей демократизации страны, связанная «с конструктивной инициативой и реакцией на глобальные трансформации мира» /1/. Неотъемлемой составной частью решения этой задачи является выявление, гуманитарно-научная экспертиза, анализ и оценка социально-политических рисков, обусловленных коррекцией политического курса.

Таким образом, очевидной становится необходимость создания системы мониторинга и управления социально-политическими рисками на основе развития информационно-аналитической системы, позволяющей отслеживать основные тенденции социальных трансформаций, осуществлять постоянный мониторинг источников угроз и оперативно на них реагировать, проводя своевременную модификацию системы политического и административного управления. Необходимость философского подхода к проблеме оценки социально-политических рисков диктуется тем, что целостная картина рисков в обществе как сверхсложной системе не поддается складыванию по кусочкам, а требует интегрального подхода к анализу социальных механизмов риска.

Политические риски, в отличие от многих других типов риска, институционализированы, формально согласованы с экономической, правовой и социальной структурой общества. В этом смысле они подвластны надындивидуальным правилам признания, компенсации и предотвращения. Разумеется, возникают исключительные ситуации, в которых институционализированные формы риска не срабатывают. «Исчисление рисков» в таких ситуациях невозможно в принципе. Если «предусмотрительные» люди прошлых эпох готовились к наихудшим из всех мыслимых сценариям развития событий, то теперь такой возможности нет. Стало очевидно, что спектр возможных опасностей и рисков неподвластен рациональным

методам исчисления. «Защищенность общества убывает по мере расширения спектра опасностей и их возможных масштабов. Исчисление рисков как основа, связывающая интересы общества, технологическую политику и политику в области безопасности, в таких ситуациях перестает работать» /2/.

В литературе различаются несколько «поколений» рисков в зависимости от типа хозяйственно-экономической деятельности:

1-ое поколение – Примитивное сельское хозяйство и простейшие ремесленные промыслы. Основные риски: голод, эпидемии, угроза грабежа, разбоя, политические заговоры и т.д.

2-ое поколение – Массовое производство в индустриальном обществе. Основные риски: аварии в промышленности и на транспорте, военные конфликты, экономические кризисы, политические перевороты и т.д.

3-е поколение – Высокие технологии постиндустриального общества. Основные риски: риски генной инженерии, информационные угрозы, связанные с утратой смыслов и ценностей, аварии уникальных технических сооружений, негативное влияние технологий на глобальные климатические изменения и т.д.

Очевидно, что стратегия и тактика борьбы с рисками разных поколений должна быть различной. При различных уровнях затрат на образование или науку страна может стать государством первого поколения (где основные ресурсы – минеральное сырье, энергоносители и территория, и акцент делается на тяжелой индустрии и экстенсивном развитии сельского хозяйства), 2-го поколения (ресурсы – психологические установки и трудовые навыки населения, ведущие отрасли – электроника, биотехнология, малотоннажная химия и др.) или третьего поколения (ресурсы – творческий потенциал общества, акцент на создании новых идей и технологий). В отличие от исторических, традиционных обществ, в сущности, не знают кризисов, в них возможны лишь реставрационные скачки назад или установление совершенно деструктивного хаоса обломков, не способных ни к минимальной самодеятельности, ни к

тому, чтобы породить какое-то новое качество. Такой деструктивный хаос и называется катастрофой, означающей не новый этап развития цивилизации, а ее гибель.

Третий вариант, наряду с последовательно историческим и последовательно традиционным развитием – «трагический». «Есть цивилизации как бы открытые, вмняемые для синергетических законов, периодически вергающих эти цивилизации в глубокие кризисы, разлагающие социальные системы до неких предельных, способных к индивидуальному хаотическому выживанию единиц, чтобы в конце концов из этого хаоса путем естественного роста кристаллизовались некие новые достаточно эффективные, но не абсолютные, а исторические, просто человеческие порядки.... Но есть общества, к которым законы синергетики приложимы не более, чем законы термодинамики». Социальный организм здесь существует в условиях постоянной чрезвычайности, как бы на краю пропасти, «выживая, с одной стороны, за счет жертв и героических усилий, с другой стороны, за счет компенсаторных, иллюзорно-возвышенных представлений о себе самом» /3/. Но ведь это и подразумевает потерю меры нормальности, утрату процедур измерения и, следовательно, реальной основы для расчета опасностей.

Те риски, оптимизация которых наиболее успешна, сходят с политической арены. Экономика, социум, техно сфера представляют собой уникальные, необратимо развивающиеся системы. Имея дело с ними, мы обречены на гораздо более фрагментарное и приблизительное знание, чем то, которое доступно в случае более простых объектов, допускающих экспериментальное изучение. «До недавнего времени ключевыми инструментами для прогнозирования развития страны и планирования на различные сроки служили макроэкономические модели. В таких моделях последствия бедствий и катастроф игнорировались, либо учитывались как малые поправки. Однако в последние годы ситуация изменилась и, вероятно, факторы, учитывающие риск и неопределенность, станут неотъемлемым атрибутом этих моделей» /4/.

Один из ведущих социальных мыслителей современности, Энтони Гидденс, определил современность как культуру риска: «В условиях современности как для обывателей, так и для экспертов – специалистов в какой-либо области – мыслить в понятиях риска и оценка риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным» /5/. Ульрих Бек в своей книге «Общество риска: к новой современности» (1992 г.) утверждает, что в современную эпоху «перехода от индустриального общества к обществу риска» центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления. Рутинная, повседневная практика превращается в постоянный мониторинг рисков и проектов их предотвращения в отсутствие надежных критериев такого мониторинга.

Идеалом современной эпохи, формой, организующей структуры поведения индивидов и принятия политических решений в условиях «жизни на кромке хаоса», становится не развитие, а безопасность. При этом физическая и социальная безопасность связываются с надежностью функционирования абстрактных систем и сетей, формирующих глобальное социальное пространство: финансовой, экономической, топливно-энергетической, ресурсообеспечивающей, информационно-коммуникативной, организационно-управленческой и т.д. Наиболее серьезные угрозы и риски возникают на системном уровне. Поэтому повышение надежности отдельных элементов и структур не ведет автоматически к повышению безопасности системы в целом. Одним из парадоксов научно-технологического прогресса является то, что по мере развития систем управления и информации, мир становится все менее управляемым. Принципиальный скачок в его хаотизации – появление компьютеров, самого мощного средства управления.

Глобальные информационно-коммуникативные сети сделали мир человека XXI века, по выражению Т. Фридмана, плоским, т.е. радикально трансформировали его онтологию. Соответственно, сами риски изменяются качественно. «И блага, и риски от работы абстрактных сетей весомей

и значимей, чем традиционные риски и традиционные блага» /6/. Без научно-технологических систем жизнеобеспечения человека и общества в современном мире не обойтись. Но как любой очень дорогой дар, этот дар современной техногенной цивилизации в виде мощных систем управленческих воздействий на природный и социальный мир может быть опасен. И здесь на помощь должна прийти та же наука, беспримерно расширившая возможности человека, а, следовательно, и сферу рисков и угроз. Большинство фундаментальных теорий, изменивших стандарты научных исследований (меняющих общенаучную парадигму, по выражению Т. Куна), связано с осознанием все новых и новых ограничений, с ответом на вопрос о том, чего нельзя сделать, какие цели мы, в принципе, не можем ставить перед научным исследованием.

В пространстве мифов и волшебных сказок возможно все. Научная картина мира создается как очерчивание все новых и новых контуров принципиально невозможного. Аналогично следует мыслить и в области политики, очерчивая для нее зону недопустимых рисков, на основе чего можно переходить к разработке приемлемых и всесторонне аргументированных критериев допустимости риска, чтобы при этом учитывались общественные потребности, требования социальной справедливости, экономические, политические, социальные, психологические и другие аспекты человеческой деятельности.

Хотя риски и становятся универсальными, но в социально разделенном обществе риски, как и в прежние эпохи, концентрируются на полюсе бедности: «Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков» (У. Бек). Аналогично этому риски концентрируются в бедных государствах, богатство же может купить себе большую безопасность. Более того, богатые государства выигрывают от рисков, которые они же и порождают, например, создавая и продавая технологии, способствующие предотвращению рисков или преодолению их неблагоприятных последствий.

Наиболее значительным результатом, определяющим стратегические

цивилизационные тренды радикальных трансформаций социальной реальности в эпоху глобализации, стали не только и не столько огромные технические и геополитические изменения, сколько изменение системных свойств социального мира. С этими изменениями связаны как новые возможности и новые ресурсы развития, так и новые риски, новые угрозы, требующие новых методов борьбы с ними:

- риски утрачивают избирательность, приобретая универсальность: возникли новые типы рисков, угрожающих не отдельной стране или социальной группе, но всем и каждому;

- риски становятся взаимосвязанными по типу цепной реакции: сбой в одной сфере ведут к дисфункциональным эффектам во множестве прочих, причем эти процессы развиваются по ризоморфным траекториям. У. Бек, характеризуя мегаугрозы, создающиеся современными глобальными процессами, отмечает, что само понятие «бедствие» утрачивает границы во времени и пространстве и тем самым смысл. Оно становится событием, имеющим начало и не имеющим конца, непредсказуемым «вольным пиршеством» крадущихся, скачущих и накладывающихся друг на друга волн разрушения;

- риски становятся многофакторными, что ведет к проблематичности самой возможности их эффективного мониторинга, предотвращения и минимизации ущерба. В традиционной теории надежности строилось так называемое «дерево отказов», учитывающее простейшие связи между элементами системы. Для сложных систем характерно взаимное влияние различных элементов, в том числе находящихся на разных структурных уровнях системной организации. Учет и сведение в единую картину всех возможных связей между ними становится в принципе невозможным. Угрозы и опасности проскальзывают сквозь все заградительные сети закона, технологии и политики.

Человек нынешней эпохи свыкся с тем, что современный мир непрестанно проходит сквозь череду катастроф. «Информационное поле наиболее жестко структурируется именно це-

почками катастрофических событий и трагических обстоятельств, что демонстрирует их особую ожидаемость и предвосхищение по эту сторону экрана» /7/. П. Штомпка отмечает, что социальные изменения в XIX рассматривались в рамках парадигмы прогресса, в XX в. происходит рост влияния постэволюционистской и постпрогрессивистской парадигмы кризиса, а с конца столетия для характеристики процессов социальных изменений все чаще стало использоваться слово травма /8/. В частности, жизнь многочисленных социальных групп населения стран СНГ проходит под знаком «посткоммунистической травмы», разрушенного «габитуса». Травма в социологическом смысле понимается как разрушение, непоправимый ущерб, нанесенный ключевым ценностям, нормам, убеждениям, основаниям коллективной идентичности, базовым структурам институциональных порядков и т.д. Возникающий в результате травмы деструктивный хаос может обернуться социальной катастрофой. Соответственно «в XX веке всеобщее научное знание все более определенно переориентируется с изучения эволюционно-функциональных процессов на изучение процессов переломно-кризисных» /9/. Одно из свидетельств этой тенденции – успех нелинейной динамики и синергетики как учения о конструктивной роли хаоса в формировании устойчивых порядков, в том числе и социальных.

В соответствии с принципами нелинейной динамики или науки о самоорганизации и закономерностях эволюции сложных динамических систем, развитие таких систем понимается как последовательность периодов стабильности, прерывающихся периодами нестабильности, в которых система претерпевает резкие изменения (флуктуации) состояний. При этом, в отличие от линейного характера развития в периоды стабильности, следствия и направления бифуркационных ветвлений не прогнозируемы. Комплекс идей нелинейности, вероятности, самоорганизации, хаоса и т.д. составил по существу новую, постнеклассическую общенаучную парадигму, базовую модель онтологии, противопоставленную субстанциалистским

онтологиям классического типа миропонимания. «Теория хаоса предлагает здесь странные решения, завораживающие своей парадоксальностью» /10/.

В современном нелинейном мире, в мире институционализированной неопределенности крайне опасной является абсолютизация технократического, позитивистского подхода к политическим проблемам и оценкам политических рисков. В смысловых рамках этого подхода политические риски рассматриваются в терминах и правилах теории игр, подчиняясь логике калькуляции вероятности выигрышей и проигрышей, универсальной единицей измерения которых выступает позиция игроков во властной пирамиде. Власть при этом рассматривается сугубо технологически, через призму механизмов ее захвата, удержания и усиления и соответствующих рисков – ослабления и потери власти. В современной политической теории утилитарно-прагматический подход вытесняется более широким пониманием, не противопоставляющим столь односторонние интересы и ценности, дискурсивную целерациональность и идеальное целеполагание. Императивом современной политологии становится синтез онтологически-аксиологического и функционального подходов, инструментально-утилитаристского и философско-культурологического понимания сущности политики, преодоление крайностей технократического редукционизма и абстрактно-гуманистической риторики.

Мы живем и достаточно успешно действуем в мире весьма сложных природных и социальных объектов, изощренных технологических систем. Как же нам это удастся без теоретического анализа и математического моделирования? Ответ достаточно прост: по большей части мы имеем дело с ситуационным управлением, т. е. у нас есть некий набор стандартных ситуаций и рецептов, предписывающих определенные действия в этих ситуациях. Этот набор типизированных поведенческих реакций, ментальных структур и культурных символов является основным инструментарием социального конструирования реальности. В значительной степени опора

на линейный тип мышления с присущими ему ситуационными стандартами, логикой прецедентов и критериями целерациональности (М. Вебер) политических институтов и действий определяет путь, по которому идут политологи в анализе политических рисков и угроз. Однако есть все основания полагать, что грядущая история готовит нашей цивилизации, стремительно уходящей от предшествующей траектории развития человечества, много неприятных сюрпризов. Анализ возможных ответов на этот, – говоря языком А. Тойнби, – вызов истории, является сверхзадачей современной науки. Естественные либо гуманитарные науки по отдельности решать такие проблемы не могут. Масштабы ожидаемых перемен слишком велики, и очень многое должно измениться в обществе, политике и в самом человеке. Поэтому свое слово должны сказать междисциплинарные подходы. В современных подходах к теории рисков роль интегрирующего начала, способного синтезировать в единое целое модели сложных нелинейных систем и эмпирические подходы, развивающиеся в рамках отдельных дисциплин, отводится компьютерному моделированию, системному анализу и нелинейной динамике.

Ранее предполагалось, что надлежащие инженерные решения, организационные меры, квалифицированные и дисциплинированные сотрудники могут обеспечить надежное функционирование сколь угодно сложных технических или социально-технологических систем. Современный научный подход к динамике сложных систем заставил скорректировать эти представления. Вероятностная природа многих социальных процессов, поливариантность направлений их развития определяют невозможность однозначного предсказания результатов социальных трансформаций, протекающих по бифуркационной диаграмме. В теории вероятностей и нелинейной динамике математически обосновано положение о том, что неустойчивость, «катастрофическое поведение» является неотъемлемым свойством многих, даже не очень сложных, типов систем.

Одним из фундаментальных до-

стижений науки конца XX века стало установление принципиальной ограниченности возможностей прогнозирования. Поэтому наряду с такими определениями современной цивилизации, как «постиндустриальное общество», «информационное общество», «технотронная цивилизация», широко используется термин «общество риска». Причем неумолимо сопровождающие жизнь этого общества риски и «мегаугрозы» такого рода, что ими подрывается сама идея принятия действенных мер предосторожности на основе предвидения и расчета последствий накладываются друг на друга волн разрушения. Развитие экономики, новейших технологий, средств массовой информации создали гигантский усилитель ошибочных и некомпетентных действий. Критерии разумности огромного числа принимаемых политических решений практически отсутствуют, и их далеко не всегда могут заменить интуиция, здравый смысл и политический опыт. Типичной ситуацией при принятии политических решений, в том числе имеющих принципиальное, стратегическое значение, является огромный объем ненужной информации, большой объем нужной, но не обработанной, не усвоенной к моменту принятия решения информации, и отсутствие значительной части необходимой информации. Тенденция перекладывания огромного круга проблем на одну организацию, ведомство, программу, на один уровень снижает эффективность любых систем. Типичным упрощающим допущением при этом является предположение о линейности развития системы. Понятно, что в таких условиях реалистическая оценка возможных рисков и угроз становится весьма проблематичной.

В соответствии с принципами нелинейной динамики или науки о самоорганизации и закономерностях эволюции сложных динамических систем, развитие таких систем понимается как последовательность периодов стабильности, прерываемых периодами нестабильности, в которых система претерпевает резкие изменения (флуктуации) состояний. При этом в отличие от линейного характера развития в периоды стабильности

следствия и направления бифуркационных ветвлений не прогнозируемы. Комплекс идей нелинейности, вероятности, самоорганизации, хаоса и т.д. составил по существу новую, постнеклассическую общенаучную парадигму, базовую модель онтологии, противопоставленную субстанциалистским онтологиям классического типа миропонимания. В то же время следует иметь в виду, что «на самом деле теория систем – еще не созданная наука о не решенных пока задачах. С этими нерешенными задачами связаны главные современные проблемы человечества» /11/, такие как проектирование будущего, согласованного с концепцией устойчивого развития, переход к новым алгоритмам развития, стратегическое управление рисками при осуществлении системных социальных преобразований и многие другие.

По мнению ряда исследователей, политика является наиболее благоприятным полем применения синергетики, поскольку именно в социально-политической сфере незначительные по историческим масштабам, случайные флуктуации зачастую приводят к потрясению государственных основ, к непредсказуемым изменениям социальной системы в целом. «Борьба политических партий, национальные движения будто бы специально демонстрируют торжество синергетического мира, в котором случайность не есть нечто побочное, второстепенное, а наоборот, устойчивое, характерное свойство, условие существования и развития общественной системы» /12/.

С одной стороны, синергетическая парадигма накладывает принципиальные ограничения в области прогноза. Для традиционного подхода, ориентированного механистическими представлениями о детерминизме, эти ограничения означают невозможность теоретического анализа в зоне принципиальной неопределенности. Ведь любой перечень начальных условий оказывается принципиально неполным для построения цепочки строго детерминированных следствий. В то же время «в нелинейной среде скрыт, пред существует как непроявленное спектр «целей» развития, будущих

возможных структур. В связи с этим возможен анализ стратегических рисков – событий, технологий, решений, которые могут существенно сузить коридор возможностей стран, регионов, цивилизаций, привести их к кризису или к катастрофе» /13/. На основе анализа возможных (виртуальных) событийных горизонтов, моделируемых методами разработки сценариев развития, открывается возможность принятия эффективных, взвешенных решений в условиях нестабильности, нелинейности, неопределенности, открытости будущего. Специалисты по теории управления хаосом, одному из бурно развивающихся направлений нелинейной динамики, сравнивают управление многими сложными социальными и техническими системами с ездой на велосипеде. Это системы, которые статически неустойчивы, но движением которых вполне можно управлять.

В сложных объектах, имеющих несколько уровней организации, есть место и для случайности, и для предопределенности. В некоторых состояниях случайные воздействия не приводят к кризисным явлениям, в других они могут вызвать лавину. В одних система может иметь высокую степень предсказуемости и большой горизонт прогноза, в других возможности прогнозировать невелики. Но это означает необходимость перехода от вероятностного к детерминированно-вероятностному описанию многих опасных явлений. «Повидимому, именно это парадигма будет положена в основу многих математических моделей управления риском» /14/.

На основе применения методов нелинейной динамики и синергетики в современной науке разрабатываются единые организационные, информационные, инженерные и научные подходы к моделированию и прогнозу бедствий и катастроф, к снижению рисков, обеспечению безопасности. Мы неизбежно упрощаем многое в своей жизни, выделяя главное, отбрасывая второстепенное. Важно не то, насколько точно и полно наши представления описывают реальность (как правило, совсем не точно и не полно), а то, в какой мере они отражают ее существенные, фундаментальные свойства.

Синергичность – это соучастие таких процессов, которые взаимно отрицают друг друга и, тем не менее, действуют в одном направлении, формируя структуры все более высокого порядка. В наибольшей степени этому критерию отвечают биологические и социальные организмы. Синергетический подход способствует более ясному пониманию горизонтов прогноза, механизмов развития ситуации и возможностей влияния на ход политических процессов. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов поясняют, что синергетический взгляд на мир – это «оптимистическая попытка понять принципы эволюции и коэволюции сложных систем, раскрыть причины эволюционных кризисов, нестабильности и хаоса, овладеть методами нелинейного управления сложными системами, находящимися в состоянии неустойчивости»/15/.

Нелинейная динамика показала, что существуют фундаментальные ограничения на возможность «динамического» прогноза, своеобразный «горизонт предсказуемости». Это ограничение представляется столь же

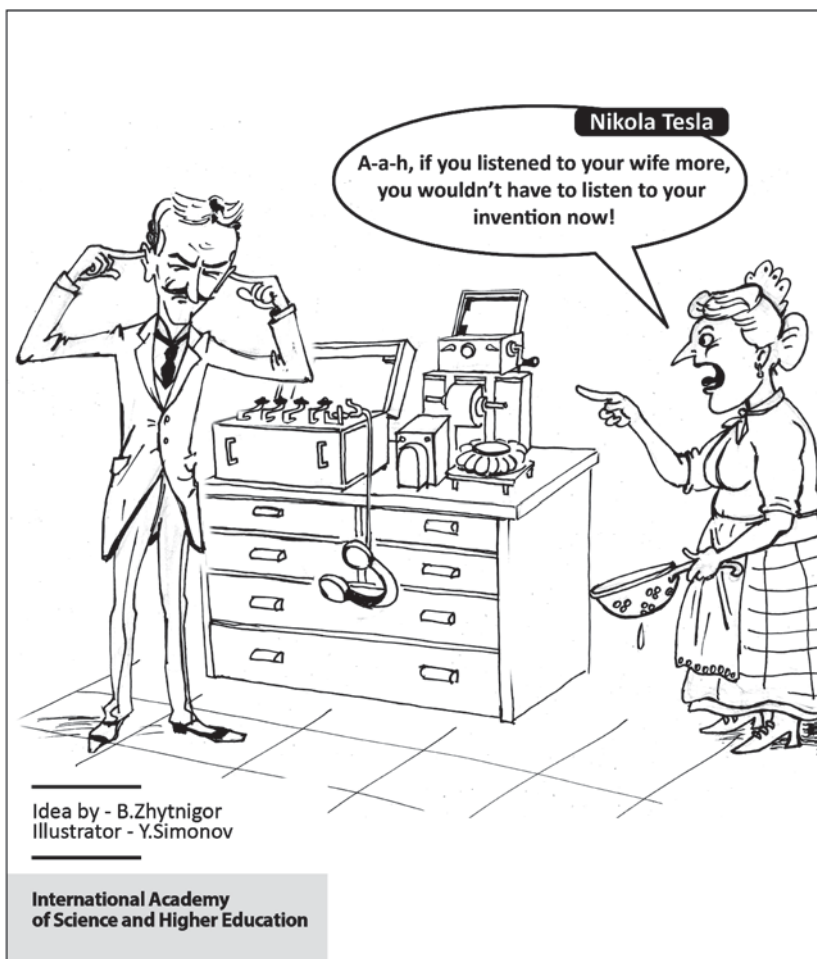
глубоким ограничением, характеризующим наш мир, как невозможность создания вечных двигателей, движения со сверхсветовыми скоростями и т.д. Тем не менее, множество характеристик исследуемых процессов могут быть предсказаны, и почти всегда можно дать «слабый прогноз» – ответить на вопрос, чего не произойдет в данной системе, какого рода риски можно ожидать, а какого рода можно не принимать во внимание.

Структурирование институциональной среды политики, эффективно справляющейся с политическими рисками и угрозами в современных условиях, в том числе в условиях виртуализации главных институтов народовластия – выборов и собственно государства – требует и особого типа политической культуры от субъектов политического процесса. Политика должна рассматриваться не как классическая «политика интересов» – содержанием которой выступает борьба за власть, за право распоряжения ресурсами и т.д., а как конкуренция

организационно-управленческих программ и систем. В концепции нового типа государственного менеджмента для обозначения парадигмы управления, отвечающей сетевому принципу организации общества, используется термин «governance». Концепция governance отвечает растущей потребности в новых стратегиях для повышения управляемости социумом в условиях неактуальности прежних типов социально-политических конфликтов. При этом новую систему управления характеризует как высокая степень неопределенности и риска, так и развитая способность адаптации к вызовам и угрозам, возникающим вследствие кризиса традиционной политическо-институциональной системы общества в эпоху постмодерна.

Литература:

1. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамура, 2003. – С. 229.
2. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. – <http://www.keldysh.ru/papers/2003/source/book/gmalin/titul/htm>. – С. 54.
3. Сунягин Г.Ф. Кризисы и катастрофы в развитии цивилизаций // Социальный кризис и социальная катастрофа. – <http://social.philosophy.pu.ru>.
4. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. – С. 114.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS, 1994, № 5. – С. 119.
6. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 92.
7. Орлов Д.У. Диссипативные массы. Взгляд Нарцисса // Социальный кризис и социальная катастрофа. – <http://social.philosophy.pu.ru>.
8. См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс, 2001, № 1. – С. 6.
9. Сунягин Г.Ф. Кризисы и катастрофы в развитии цивилизаций.
10. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего.
11. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. – С. 62.
12. Буханова И., Петров Н. Горизонты синергетики и политические процессы // Власть. Общественно-политический журнал, 2003, № 9. – С. 46.
13. Там же. – С. 47.
14. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. – С. 124.
15. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии, 1997, № 3. – С. 71.

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education